

Александр Телегин

Странная история

6+

Александр Телегин
Странная история

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Телегин А. А.

Странная история / А. А. Телегин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Рассказ о событии, действительно имевшем место. Немолодой подполковник, служивший в конце восьмидесятых годов в Монголии, приезжает отдохнуть в санаторий в Новосибирской области. Здесь он встречает мальчика, как две капли воды похожего на его сына, бесследно пропавшего двадцать восемь лет назад во время пикника в тугайных зарослях на берегах небольшой реки в Монголии. Офицер с помощью своего соседа по санаторному номеру пытается подружиться с мальчиком и его бабушкой, чтобы ответить на вопрос: не есть ли этот мальчик его внук.

© Телегин А. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Александр Телегин

Странная история

В тот год, когда горела сибирская тайга... Вы ведь скажете, что она горит каждый год... Так вот, в тот год, когда её сгорело особенно много – миллионы гектаров – я оказался в сибирском санатории на границе Барабинской и Кулундинской степей.

«Сибирский санаторий» звучит не очень привлекательно. Узнав, что мои дети скинулись и купили мне путёвку на две недели за семьдесят тысяч рублей, я возмутился: дешевле съездить в Крым или в Тайланд – Мекку сибирских туристов. Но я оказался неправ.

Когда сын выгрузил мою клеёчатую дорожную сумку в синюю клеточку из багажника вишнёвого «Пежо», который он в шутку называл «Пегеотом», я оказался посреди такой флоры, каковой не сыщется и в самых экзотических странах. Белоснежные и серо-голубые здания были окружены высокими соснами, стрелчатými елями, белоствольными берёзами со свисающими бахромой ветвями, ажурными рябинами с уже проступающими оранжевыми гроздьями, зеленкорыми клёнами, ранетками, черёмухой, облепихой и кустарниками, названия которых я не знал по причине моего нерадения при обучении ботанике в школе и равнодушия к этой области знания.

Разбитые по всей территории клумбы поражали необычайным многоцветием, сказочными сочетаниями и тончайшими переходами красок.

Меня поселили на четвёртом этаже главного корпуса в двухместном номере, с холодильником, телевизором, журнальным столиком и выходом на балкон, с которого открывался восхитительный вид на степную речку с отражённым в ней синим небом и на ленточный бор вдали за нею.

Через несколько минут в номер вошёл мужчина среднего роста, с коротко подстриженными седыми волосами. В одной руке он держал дорожную сумку, но не в синюю, как у меня, а в красную клеточку. Через другую руку у него висел плащ.

– Геласимов, – представился вошедший, поставив сумку на пол и подав мне руку.

«Он картавит и не выговаривает «р», – догадался я.

– Сергей Романович.

Я назвал себя и спросил, кем он был до пенсии.

– Военнослужащим. Я отставной офицер, – ответил он.

– А по званию?

– Подполковник. А вы кто?

– Я инженер. Работал на заводе по ремонту дорожной техники. Починяли бульдозеры, грейдеры – в основном зарубежного производства.

Мы пошли на обед, и я вновь был поражён. Обеденный зал был светлым, с обоями светло-шоколадного цвета, с покрытыми хлопчатыми скатертями столиками, вокруг которых стояли стулья с мягкими сидениями и высокими спинками.

Нам предложили салат из свежих овощей, суп с папоротником и язык с вермишелью и черносливом. На десерт было мороженное с клубникой.

Официантка объяснила нам, что на сегодня от нас не поступили заявки на желаемые блюда, а в дальнейшем мы будем питаться согласно нами выбранному меню.

– Надо же! Умеют, когда хотят! – сказал Геласимов.

– Умеют.

После обеда было обследование у врачей и назначение процедур на весь санаторный период: грязи, рапные ванны, соляная пещера, физиотерапия, массаж. Затем в холле мы поиграли в бильярд, в котором Геласимову не было равных. На вопрос о семье, заданном, заметьте, не мной, а одним из азартных игроков, восьмидесятилетним старичком-целинником с орденом

Трудового Красного Знамени на пиджаке, он ответил, что женат уже вторым браком, и у него есть двадцатилетняя дочь Светлана, студентка университета.

Перед ужином мы вышли погулять и заодно обследовать территорию. Настроение у нас было прекрасное, Геласимов шутил, смеялся и производил впечатление вполне счастливого человека. И погода стояла великолепная: тепло одного из последних июльских дней мягко окутывало нас, воздух был чист и благоухал запахами цветов, трав, листьев и хвои. Едва мы спустились по широкой лестнице тёмно-красного камня, мимо нас пронёсся мальчишка шести-семи лет и с криком: «А я вот как умею!», словно кот, убегающий от злой собаки, в несколько перехватов забрался на самый верх фонарного столба.

– Сашка! Сашка, паразит! Слезь сейчас же! Там же ток! Убьёт тебя, дурака!

По ступенькам бегом спускалась женщина лет пятидесяти, в фисташковом брючном костюме. Подбежав к столбу, она стянула уже спускавшегося Сашку и угостила его увесистым шлепком по предназначенному для таких гостинцев месту. Сашка, радостно смеясь, почесал это место и, как ни в чём не бывало, пустился вперёд по аллее.

Странное впечатление произвела эта сцена на моего спутника. Умиротворённое выражение оплыло с его лица, он остолбенел и с глазами, полными изумления и ужаса, смотрел вслед убежавшему мальчишке.

– Вам нехорошо? – спросил я.

– А? – вздрогнул Геласимов, словно проснувшись. – Нет, нет, всё нормально. Я, кажется, обознался. Не может быть. Ничего, ничего. Это бывает.

Но я видел, что случилось что-то для него очень тяжёлое. Во всё продолжение нашей прогулки он был погружён в свои мысли, и часто говорил невпопад в ответ на мои слова.

За ужином мы увидели на столе отпечатанное на неделю меню. На завтрак предлагали на выбор бутерброды с колбасой или сыром, кашу гречневую с грибами, пшённую с фруктами, один раз в неделю значились даже блины с красной икрой; на обед в меню были щи вегетарианские, борщ со свининой, суп харчо, лобио, гуляш по-венгерски, шашлык по-армянски, плов по-узбекски, и Бог знает, что ещё, помню только, что блюда были такие, что не во всяком московском ресторане готовятся.

В последующие дни мы убедились, что еда была вкусной, всего было много, добавки можно было брать без ограничений, а различные салаты, мясные и колбасные нарезки, выпечка, фрукты и овощи стояли на буфетной стойке, и каждый мог выбрать, что хотел. На этом я закончу гастрономическую тему, которая в моём повествовании не играет никакой роли.

Солнце только собиралось спускаться с неба, спать было рано, и мы с Геласимовым вышли за территорию санатория к речке. Берег её был благоустроен: почти у самой воды стояли скамьи, сидя на которых прямо под ногами в зеленоватой воде можно было наблюдать резвящихся рыб. Немного дальше был устроен пляж с песком и галькой. А ещё дальше лодочная станция, с лодками напрокат для любителей отдыхать активно.

У речки нашли мы наших знакомых: Сашку и женщину в фисташковом костюме. Сашка порывался залезть в воду, а она говорила ему очень решительно:

– Если ты, паразит, залезешь в речку, я завтра же отвезу тебя родителям!

– Скажите, кем вы приходитеесь этому замечательному мальчугану? – спросил Геласимов.

– Этому замечательному непослушному мальчугану я прихожусь бабушкой.

– Бабушкааа, – канючил между тем замечательный мальчуган, – ну почемууу нельзя?

– Потому. Нельзя и всё! Что ты такой непонятливый?

– Бабушка, но я хочу. Только немножечко искупаюсь и всё. Ну разрешиии.

– Ты сегодня целый день купался. А я не хочу отвечать перед твоими родителями если ты опять заболеешь.

– Я не заболею.

– А я говорю хватит. Вечер уже! Холодно для купания. Хочешь купаться, пойдём в корпус, в бассейн.

– Нет, бабушка, я здесь хочу, в речке.

– Какой ты всё-таки козёл! Ничего не понимаешь! Как я от тебя устала, просто нет слов!

Мальчишка надул губы, теребя пальцами какую-то травинку. Он был в синей футболке и такого же цвета шортах. Для своего возраста он был невелик ростом, худой, но гибкий и крепкий. У него были золотые, как у Сергея Есенина волосы, только прямые, а не кудрявые. Глаза ясные, светло-серые, чуть-чуть выпуклые; алые губки, загорелые руки и шея шоколадного цвета, сбитые коленки и покусанные комарами ноги.

– Как тебя зовут, славный мальчуган? – спросил Геласимов, опустившись против него на корточки.

– Саша, – ответил он.

– А меня дядя Серёжа. Это твоя бабушка?

– Да. Она мне ничего не разрешаает.

– Ну почему же? Она многое тебе разрешает, но у неё ответственность перед твоими родителями. Ты уже большой, должен понимать. Как бабушку зовут?

– Ольга Ивановна.

– А фамилия?

– Полякова.

– А твоя фамилия, славный мальчуган?

– Шаталов.

– Шаталов? Саша Шаталов... Гм... А как зовут твоего папу?

– Александр Владимирович.

– А где ты живёшь?

– В Городе.

– В Новосибирске что ли?

– Да.

– В школу ходишь?

– Нет. В этом году пойду в первый класс.

– А на какой улице ты живёшь, Саша Шаталов?

– Гражданин, – всполошилась Ольга Ивановна. – Почему вы спрашиваете? Вам это зачем?

– Простите! Это совсем не то, о чём вы подумали. Я человек положительный, вот, пожалуйста, мой паспорт. Меня зовут Сергей Романович Геласимов, подполковник в отставке. Мне очень понравился ваш внук. Хотелось бы подружиться с ним, гулять, беседовать, разумеется, в вашем присутствии.

– Это очень странно, гражданин! Сашка, пойдём-ка отсюда, – сказала женщина и, взяв внука за руку, поспешно потащила его в сторону санатория. – Никогда не подходи к этому дядьке, – услышали мы на прощание.

– Вот так! Дóжили! – грустно сказал Геласимов. – Нельзя с ребёнком заговорить, сразу заподозрят, что ты маньяк-педофил.

Солнце спустилось за ивы и берёзки, росшие на противоположном берегу. Над водой носились стрекозы, облака над нами окрашивались в красный цвет. С востока поднималась серая муть. Стало скучно и холодно. Мы вернулись в корпус.

За вечер Геласимов не проронил ни слова, ходил взад-вперёд по комнате и курил на балконе, глядя на сосновый бор за речкой.

Следующее утро была мрачным. Вместо ясного синего неба с белоснежными облаками увидели мы над собой плотную тёмно-серую мглу, и воздух был не июля, а августа в самом конце.

Мы сидели с Геласимовым в соляной пещере, наблюдая за игрой света в кристаллах на стенах и потолке, когда пришла Ольга Ивановна с Сашкой.

Она села в кресло, закрыла глаза и стала дышать под терапевтическую музыку композитора, нерусская фамилия которого была очень известна лет двадцать назад, но сейчас никому ничего не говорит. Сашка палочкой ковырял соляной пол в углу. Ковырял долго, усердно, и вдруг, заглушая целебную музыку, закричал восторженно и громко, как Архимед, выскочивший из ванны:

– Бабушка! Здесь под солью деревянный пол! Разве в пещерах бывают деревянные полы?!

– Отстань, – сказала бабушка, с трудом приподняв веки. Музыка действительно благотворно действовала на неё.

Мы пришли минут на десять раньше Ольги Ивановны, но Геласимов дождался, когда она с внуком выйдет из пещеры.

– Извините, мне надо задать вам очень важный для меня вопрос, – обратился он к ней. – Александр Шаталов ваш зять?

– Послушайте, я не могу объяснить себе ваше поведение, поэтому я вас боюсь. Отстаньте от меня, иначе я обращаюсь в милицию.

– Эх, Ольга Ивановна! Милиции мне не страшна! И вам я ничего плохого не сделаю. Скажите всё же, кто вам Шаталов, давно вы его знаете, откуда он, кто его родители?

– Шаталов мой зять. Моя дочь уже десять лет за ним замужем. Он родился в Новосибирске, учился в Новосибирске, жил в Новосибирске и никуда из него надолго не уезжал. Родителей его я хорошо знаю. Они тоже всю жизнь прожили в Новосибирске. Что вы к нам пристали?

– И ещё один вопрос. Самый безобидный. Вашему зятю тридцать восемь лет? Не так ли?

– Ну, допустим, тридцать восемь. И что из этого? Вы знаете моего зятя?

– Поверьте, я спрашиваю не с плохими намерениями. Я подумаю, что можно вам рассказать, чтобы вы меня поняли. Только, прошу вас, не избегайте меня.

Между тем небо стало совсем тёмным, но дождя не было и, как мне почудилось, пахло дымом. Мы сели на скамейку под берёзой. Поведение Геласимова и мне начинало казаться если не подозрительным, то странным. Я молчал, не находя темы для разговора, он тоже.

– Я с вашего разрешения похожу один, – сказал он после длительного молчания.

– Пожалуйста, пожалуйста, – ответил я и пошёл в корпус.

В холле я пристроился в очередь играть на бильярде, и играл до самого обеда.

– На улице вроде дымом пахнет, – сказал я своему очередному сопернику, азартному орденоносцу, игравшему вчера с Геласимовым.

– А вы ничего не знаете? Красноярская тайга горит. Это не тучи, это дым от пожарищ. «Дым в лесу» – у дедушки Гайдара есть такая повесть. Враги жгут русский лес, пока мы тут фиточай гоняем.

– Вы кто по профессии?

– Я то? Комбайнёр. Сельский труженик. Мне сам Никита Сергеевич Хрущёв этот орден вручил.

– Ух ты! А какой он был, Хрущёв?

– Какой, какой? Лысый. В шляпе, в белом пиджаке.

– Как же вы увидели, что он лысый, если он был в шляпе.

– Как, как! Я ж его не только в шляпе видел!

– Ну и как теперь ваш совхоз?

– Да никак! Нет его. Вообще нет. Зря целину поднимали. Лучше бы по ней зайцы бегали да волки рыскали, – старичок оказался злой.

С Геласимовым мы встретились только вечером в номере.

– Я так понимаю, – начал он, – что мне пора объяснить вам своё поведение за последние сутки. Тогда мне придётся рассказать вам самую странную и страшную историю моей жизни.

Я приготовился слушать.

– Итак, тридцать два года назад я служил в Монголии. Мне только-только стукнуло тридцать лет, я был ещё капитаном, девятый год счастливо женатом на красавице по имени Наталья – маленькой, худенькой с синими глазами и густыми тёмно-золотыми волосами. И у нас был сын Сашка неполных семи лет.

Мы жили в военном городке в степи, а вернее в полупустыне. Летом стояла угнетающая жара, усугубляемая отсутствием надежды на дожди и даже небольшое похолодание. Кругом ни дерева, ни кустика, ни тени, кроме тени от солдатских казарм и домиков офицерских семей. На вдыхание раскалённого воздуха тратились огромные силы, сердце колотилось, одежда противно липла к телу. И при этом вода была привозная и её приходилось экономить – лишний раз не помыться.

Нам солдатам терпеть трудности, вроде, по званию положено, но за что должны были страдать наши жёны и дети? Большинство офицеров на лето отправляли свои семьи в Союз, а мне моих некуда было отправить: и Наташины, и мои родители умерли, а своей квартиры – так уж получилось – у нас не было. Развлечений, кроме телевизора, тоже никаких. За всё время службы два раза приезжали в часть второстепенные артисты с концертами – вот и всё. Свист сусликов в степи, парящие в небе степные орлы и звенящая жара – и так изо дня в день до самой осени.

Командиром нашего полка был полковник Медведев – страстный рыбак. Монголы, будучи природными мясоедами, почти не употребляют в пищу рыбу, поэтому их реки кишат ею, и никто не запрещает её ловить. При каждом удобном случае Медведев уезжал на рыбалку довольно далеко от городка, давая соответствующие наставления своему заместителю, что ему врать в случае, если начальство будет интересоваться где он.

Однажды, приехав из очередной отлучки, Медведев сказал нам, что открыл «настоящий оазис» с лесом, прохладной рекой, видом на горы и предложил в выходные организовать пикник для офицеров полка. Надо ли говорить, что мы с радостью согласились?

И вот в субботу двадцать пятого июля – этот день я не забуду до смертного часа – рано утром мы выехали из нашего городка на пяти «узиках-буханках», цепочкой следовавших за джипом Медведева, который вёз огромную кастрюлю с купленной у местных монголов и лично им замаринованной бараниной, а также вино для женщин, водку для нас, разную закуску, несколько мангалов, шампуры и мешок с подготовленными древесными углями – всё, что требовалось для предполагаемых шашлыков.

Я ехал с женой и Сашкой в первом узике. В кабину с шофёром сел майор Ерохин. Он считал, что старшинство по чину даёт ему это право даже в обход женщин. С нами в фургоне ехали его жена Нина Николаевна и трое детей – все девочки. Таких, как я и Ерохин – офицеров с жёнами и детьми – было пять человек, а всего в нашей компании – человек тридцать – тридцать пять, и из них семь или восемь детей.

Дорог, как таковых, не было. Мы ехали по ровной, как бильярдный стол, степи и в дорогах не было никакой надобности: ездай куда глаза глядят, и всюду будет дорога. Несколько раз встречались нам юрты пастухов, накрытые цветными войлоками. Вокруг них паслись стада: вперемешку коровы, овцы, козы, лошади, верблюды. Охраняя их, гарцевали на низкорослых лошадаках колхозники-араты, упираясь в стремёна короткими ножками. Тут же посреди степи стояли сто тридцатые ЗИЛы с голубыми кабинами, или ГАЗ пятьдесят третьи цвета речной тины – на них пастухи перевозили свои юрты и домашний скарб.

И юрты, и всадники, и советские автомобили казались мне естественными среди этих степных пространств, не отделимыми от раскалённого неба, выжженной степи и кружащих над нею орлов, в то время как мы проезжали мимо словно призраки, чужеродные явления, и старались держаться подальше от стойбищ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.